

Леонид Бондарев

**ВОЛШЕБНЫЙ ДОМ,
ИЛИ 27 СКАЗОК ДЛЯ
ПУГОВКИ**

Леонид Бондарев

**Волшебный дом, или
27 сказок для Пуговки**

«Издательские решения»

Бондарев Л.

Волшебный дом, или 27 сказок для Пуговки / Л. Бондарев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837183-7

Сборник сказок для одной очень-очень маленькой девочки, которой ещё только предстоит научиться читать. Поэтому сказки читает в основном её мама. Автор исходит из простой мысли. Лучший способ заставить замолчать голоса в вашей голове — заставить их переселиться в окружающие вещи. Пусть те сами расскажут свои истории.

ISBN 978-5-44-837183-7

© Бондарев Л.
© Издательские решения

Содержание

Дверная ручка, которая не захотела открываться	6
Окно, которое никто не замечал	9
Тарелка, которая осталась без еды	11
Стол, которому приснилось, что он дворец	13
Будильник, который любил поспать	16
Стиральная машина, которая вечно стирала не то	18
Чемодан, который не видел мира	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Волшебный дом, или 27 сказок для Пуговки

Леонид Бондарев

© Леонид Бондарев, 2017

© М. Гордеева, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7183-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дверная ручка, которая не захотела открываться

У одного озера стоял дом – старый, как море и горы. Вход в него открывала большая дверь. Была она хорошо пригнана, так что между косяком и самой дверью не прошёл бы и тонкий бумажный лист. Время от времени дверь поскрипывала петлями, но обычно этот тихий скрип слышали разве что живущие в саду муравьи. Каждому, кто хотел открыть дверь, приходилось ухватиться за восьмигранную ручку.

От долгого соприкосновения с тысячами ладоней, восемь граней вытерлись и почернели, но ручка радовалась любому входящему и старалась, чтобы дверь открывалась так легко, будто её раскачивает ветерок. Домашние вещи считали, что дверная ручка слишком простодушна и слишком стара, чтобы исправно работать. Накладка у неё и вправду была вся в зазубринах, а рукоятка, казалось, того и гляди, отвалится.

– Если так будет продолжаться и дальше, дверь рискует оказаться нараспашку, по дому будут гулять сквозняки, – нервничали шторы в гостиной. От сквозняков шторы постоянно запутывались и в этот момент выглядели совершенно нелепо.

– Да что там сквозняки, а если в распахнутую дверь зайдут злодеи и похитят всех нас, – переживали серебряные столовые приборы.

И только дверь не разделяла общей тревоги. Более того, она совсем не беспокоилась за свою ручку, какой бы старой та ни выглядела. Однажды, когда предметы в доме в очередной раз устроили спор по поводу ручки и шумели даже больше обычного, входная дверь как-то непривычно громко скрипнула, а затем оглушительно хлопнула.

– Если кто и спасёт нас от злодеев, сквозняков и любых других неприятностей, которые часто пробираются в дом из большого мира, так это моя старая ручка, – проскрипела в образовавшейся тишине дверь.

– Эта почерневшая и разболтанная конструкция? Да она не сможет прикрыть вас даже от сквозняка, многоуважаемая дверь! – прошуршали шторы.

– Эта почерневшая конструкция однажды в одиночку победила шайку смертоносных убийц и спасла две жизни, – проговорила дверь. – Пока она здесь, покой в доме будет всегда.

– Не смешите нас, дверь. Как ручка могла победить хотя бы одного злодея? – прошуршала норковая шуба из гардероба.

– Ну что ж, пора вам узнать эту историю, – дверь затихла, а потом, мерно поскрипывая, начала рассказ.

– Давным-давно в далёких Скалистых горах стоял дом. Был он приземистый и просторный. Жил в доме кузнец с женой и дочкой. Кузнец ковал подковы для ковбоев и заострял лопаты старателям. Ремонтировал дилижансы и чинил фонари.

И вот однажды попал в руки кузнецу ствол восьмигранного винчестера. Принадлежал он самому грозному злодею Скалистых гор по прозвищу Бешеный Буйвол. Сорок восемь жизней унёс винчестер по воле бандита и убийцы, прежде чем Бешеного Буйвола настиг шериф. В той схватке винчестер вместе со своим хозяином упал с горы и разлетелся на кусочки.

– Что же мне с тобой делать? – сказал кузнец. – Сделаю-ка ручку для двери.

Он отпилил от восьмигранного ствола кусок нужной длины, приладил с обеих сторон по изогнутой скобе, запаял, как следует. Кузнец был мастером своего дела, так что у него получилась крепкая дверная ручка, надёжно посаженная на стальное основание.

Ручку привинтили к двери дома. Она очень радовалась тому, что каждый день «пожимает руки» кузнецу, его жене и дочке, их друзьям и всем гостям дома.

– Когда к тебе протягивают открытую руку, значит, в ней точно нет ножа или револьвера, – говорила ручка, – я унесла слишком много жизней, чтобы допустить хотя бы ещё одну смерть.

И действительно, в дом кузнеца было невозможно зайти с оружием. Ручка так ловко касалась каждого входящего, что револьверы ковбоев выскакивали из кобуры, ножи падали на землю, и даже индейский лук цеплялся за ручку и повисал на ней.

Как-то раз мэру городка потребовалось наладить большие городские часы, и кузнецу пришлось уехать на несколько дней. Узнав об этом, на дом в Скалистых горах решила напасть банда смертоносных убийц – дружков Бешеного Буйвола. Они прискакали на чёрных, как ночь, лошадях, решив, что дом теперь – лёгкая добыча. Дочка и жена остались одни, и некому было им помочь.

Поджигать дом бандиты не хотели: так бы пропало всё добро кузнеца. На окнах дома стояли крепкие ставни с коваными запорами. Оставалась только дверь. Выглядела она не слишком грозно – простая, сколоченная из нескольких досок.

– Выломаем её и заберём всё, что захотим! – прокричали бандиты и гадко захохотали.

Самый проворный из них ухватился за восьмигранную ручку и через мгновение упал, корчась от боли.

– Проклятая ручка, она раскалилась добела, я больше никогда не смогу стрелять, – вопил бандит.

– Да ты просто слабак, – сказал другой злодей и ухватился за восьмигранник обеими руками. – А-а-а-а!

Эхо разнесло его крик над Скалистыми горами. Бандит тоже упал, его руки были выжжены до кости.

– С такими нежными руками вам бы лучше не грабителями работать, а белошвейками, – прозвенела дверная ручка.

Секрет её волшебства был прост. От накопившейся ярости, доблести и отваги бывший восьмигранный ствол раскалился так, что мог прожечь самую крепкую защиту.

Бандитов обуряло бешенство, они попытались поддеть ручку киркой, но кирка покраснела, и её деревянная рукоятка вспыхнула. Тогда ручку попытались отстрелить, но пули только рикошетили. Так, банда недосчиталась ещё двух человек.

– Несите динамит, давайте взорвём эту дверь! – прорычал главарь. Когда взрывчатку уже готовились поджигать, дверная ручка вдруг распалась на детали и упала к ногам бандитов.

– Струсил? Испугалась? – прервали скрипучий рассказ двери вопросы обитателей дома у озера.

– Бандиты тоже так подумали. Но это был самый мужественный поступок, который я только знаю, – ответила дверь. – Ручка пожертвовала собой – сломалась, а открыть дверь без неё было невозможно, – ухватиться-то не за что.

– А взорвать?

– А зачем? Когда ручка распалась и покатила по земле, грабители подумали, что легко справятся с простенькой дверью и без взрыва. Ведь динамит легко разнёс бы в щепки вместе с дверью и весь дом. На людей злодеям было наплевать, но могло пострадать добро. Итак, ещё стоявшие на ногах бандиты принялись за взлом... – продолжила рассказ дверь. – Тут к дому приблизилась группа всадников. Во главе скакали кузнец и местный шериф. Увлечённые своим злодейским делом бандиты не успели схватиться за кольты, как их тотчас же связали. Кузнец внимательно осмотрел землю у двери и бережно, точно смертельно больного человека, поднял то, что осталось от ручки.

– Своим раскалённым мужеством ты задержала их на два часа и ещё на четверть часа, – проговорил кузнец, – моя семья будет вечно обязана тебе, и где бы мы ни жили, на двери нашего дома ты всегда будешь желанной гостьей. Как самую большую драгоценность, он отнёс ручку в кузню и заново собрал.

– И вот уже долгие годы, из поколения в поколение старая ручка из оружейного ствола путешествует вместе с потомками того кузнеца. И ни разу не было случая, чтобы в дом, дверь

которого она отворяла, проник замысливший злодейство человек, – закончила рассказ скрипучая дверь дома у озера.

Слушатели с уважением посмотрели на потемневший, весь в зазубринах, металлический восьмигранник.

– Конечно, во мне ещё есть за что ухватиться, – низким металлическим голосом проговорила молчавшая всё это время ручка, – но запомните, в этом мире есть два типа людей: те, кто входят через дверь, и те, кто больше никуда не входят, потому что встретились со мной в неподходящий момент.

Окно, которое никто не замечал

Однажды в старом доме с видом на озеро появилось окно. Разумеется, его появление тут же заметили, ведь в доме стало вдруг очень-очень светло. По этой причине, все обитатели, в том числе и тупой ржавый нож, догадались, что окно очень большое. Вот только, кроме примерных размеров, ничего другого ни про цвет, ни про происхождение окна сказать было невозможно. Ведь его попросту нельзя было разглядеть. Конечно, видны были все рамы, пазы и гвоздики, которые держали окно. А вот само оно было совершенно незаметным.

– Как прекрасна цветущая яблоня на дальнем островке и облако в лучах заката, – говорили обитатели дома, глядя сквозь окно.

– Да-да, посмотрите на блики, играющие на воде озера! Они – словно маленькие светлячки!

– А как же я! Вы на меня посмотрите! – вздыхало окно по ночам, когда обитатели дома заканчивали рассматривать сквозь него звездопад. – Я же хуже пустого места! Даже паучок в углу моей рамы заметней!

Окно уже и само не верило в то, что существует. Иногда после особенно сильного весеннего ливня на окне застывали серые капли, и оно казалось себе чуть более заметным. Единственной, с кем, кроме солнечных и лунных лучей, удавалось встретиться окну, была мягкая фланелевая тряпочка. Каждую неделю тряпочка хорошенько намыливалась и бегала по окну туда-сюда.

– Помоем тут и вот тут. У вас, уважаемое окно, похоже, была непредвиденная встреча с комком грязи, который запустили мальчишки. Сейчас мы это исправим! – говорила тряпочка, и действительно следы грязи пропадали в мыльной пене.

Тряпочка окну нравилась. Характер у неё был мягким, а прикосновения – тёплыми. И потом тряпочка – единственная! – замечала, что окно есть. Однако после каждой такой встречи пропадали не только грязь и пыль. Помытое окно становилось ещё чище, ещё прозрачней, ещё незаметней и на несколько дней обычно совершенно разуверивалось в собственном существовании. Иногда случается, что чрезмерная чистота уничтожает вкус к жизни.

Как-то летом на стене напротив окна появилась большая картина. Она тут же стала предметом всеобщего интереса и внимания. Обитатели дома с первого взгляда могли понять, какого она размера, цвета, из чего сделана и что на ней изображено. И даже происхождение картины было известно, ведь в левом нижнем углу стояла подпись художника.

Окно затосковало ещё больше. Величественная картина в позолоченной раме казалась невообразимо прекрасной. Деревья, листья и небо из масляной краски не менялись ни днём ни ночью, ни в зной ни в дождь: не то что вечно изменчивый вид из окна.

– Теперь в мою сторону вообще никто не посмотрит, – прошептало окно. – Там, за мной, облетели все листья, что же в этом интересного...

За окном действительно с каждым днем становилось все мрачнее и темнее – ни листьев на деревьях, ни цветов в саду. Иногда по утрам, если и было что видно, так только белое молоко тумана.

Однажды утром, когда стало совсем уж холодно, с окном, как это часто бывает и в сказках, и в жизни, произошло удивительное, но при этом вполне разумное превращение. Оно покрылось инеем.

– Смотрите-смотрите! Что это с нашим окном, уж не потрескалось ли оно?! – прокричали встающие раньше всех шторы. – Отдёрните нас скорей! Пусть все увидят!

Так обитатели дома заметили, что на окне проступили удивительные узоры. Каждый мог разглядеть в них, что хотел.

– Это очень похоже на блестящие ножи, – сказала скатерть.

– Да нет же, это точно большая-большая ваза для фруктов, только если смотреть на неё сверху, – прозвенела хрустальная люстра.

– Вы всё видите не так: это – прекрасные лилии. И ещё – линии, продольные и поперечные – прошелестели обои, состоящие, конечно же, из линий и лилий.

Каждое утро морозные узоры менялись, и оттого смотреть на окно было всё интересней. Спустя несколько недель изморозь выросла до такой степени, что походила уже на крошечные сугробы. Этим утром к окну прибежала светловолосая девочка. Она стала чертить по окну пальцем и приговаривать:

– Цветуецик. Моле. Ёлоска...

Под тёплым пальчиком девочки окно оттаивало, и прочерченные линии, когда сквозь них светило солнце, действительно превращались в рисунок цветка, моря и ёлки.

Окно, хоть ему и было очень холодно, чувствовало, как тает от счастья: наконец-то оно стало что-то из себя представлять, наконец-то его заметили.

«Только бы никогда не заканчивалась эта зима и эти узоры на мне. Может быть, для этого девочке надо написать по изморози слово „Вечность“», – мечтало окно. Но зима, конечно, закончилась, и узоры растаяли.

(Было бы очень грустно оставлять окно в такой непростой момент, когда жизнь его снова становилась невидимой. Но тут в нашу сказочную историю проникает немного науки, а вместе с ней и набор фломастеров.)

Благодаря этой яркой разноцветной дюжине не только зимой, но и весной, и даже летом на окне стали возникать то цветы, как будто распустившиеся раньше срока на далёком дереве, то огромные уши для сидящего за окном маленького мопса.

Фланелевой тряпочке, конечно, прибавилось работы. Каждый день – и не по разу – ей приходилось смывать с окна все эти шалости, чтобы потом появлялись новые. Тряпочка была только рада, ведь на сияющем от радости и мыльной пены окне рисунки были видны куда лучше.

Тарелка, которая осталась без еды

В одном высоком-высоком шкафу дома у озера жила-была тарелка. Круглая и звонкая. Рядом расположилась ещё сотня её подружек и друзей – тарелочек, тарелок, блюдец для чая, кофе и огромных блюд для барашков и поросят.

Каждый вечер стол в центре гостиной накрывали белой скатертью. Зажигали свечи. Пылал огонь в камине. Кухарка крепкими руками доставала из шкафа тарелки, выставляла их на скатерть и наполняла удивительными вещами.

Когда праздник заканчивался, чумазные тарелки уносили и через некоторое время приносили чистыми и блестящими. На столе побывали все – и лёгкие фаянсовые, и дюжина из тонкого стекла с узором в цветочек, и пару раз – даже блестящие, костяного фарфора с гербами. И только нашу тарелку ни разу не пускали на этот праздник.

– Почему же, почему даже скучное чайное блюдце побывало на скатерти, а я нет? – спрашивала тарелка у знакомой чашки. Чашка каждый день прогуливалась по столу и полагала себя знатоком светской жизни.

– Может быть, ты просто слишком застенчива? Смотри, ты не очень сильно блестяшь, – отвечала чашка, рассматривая свое блестящее отражение в стеклянной дверце.

– Похоже, милочка, ты просто с рождения не слишком хороша. Вон у тебя дырка, кому такая нужна, – заявило фарфоровое блюдо с гербами. – Знала бы ты, как приятно потом, после знакомства с фазаном или бараньим боком, нежиться в горячей воде и мыльной пене.

Тарелка и сама считала себя распоследним уродом. Ещё бы, даже парочке склеенных из обломков мисок удавалось встречаться с чечевичной похлёбкой, она же так и стояла в шкафу. Со временем нашу тарелку задвинули так далеко вглубь шкафа, что вместо света очага или белой скатерти она видела разве что бока своих соседей.

Однажды новенькое блюдце – слишком гладкое и великолепное, должно быть, из-за своей гладкости выскользнуло из рук кухарки и рухнуло на паркет. В тот же момент блюдце исчезло. Вместо него лежали десятки каких-то совсем не блестящих кусочков. Катастрофу потом ещё неделю обсуждало всё население шкафа.

– Какое трагическое падение! Это блюдце было таким молодым! И даже ни разу не встретилось с фонданом.

– Да-да! Лучше лежать смиренно, пока не позовут к ужину, – говорили друг другу соседки тарелки.

И только старый шкаф не разделял мнения большинства.

– Некоторым чтобы подняться, приходится упасть, – сонно пробубнил шкаф.

– Что дедушка?

– Прф-ф, хрф-ф-ф, – донеслось в ответ.

Шкаф из морёного дуба простоял в гостиной дома у озера лет двести. Был он пузатый, с хрустальными дверцами и возвышался над гостиной. Лет семьдесят назад шкаф испытал нашествие жуков-древоточцев, уцелел, но с той поры считался чудачком.

– Он прав. Даже если древоточцы и съели большую часть этого морёного дубового ума. Он всё равно прав. Лучше упасть, разбиться и не мучить себя, не терзать всеми этими мыслями, – подумала тарелка. – Чего мне бояться, выйду хоть раз на свет.

Она выбралась потихоньку из своего уголка и шагнула из шкафа... Удар. Звонкий металлический звук – и никаких осколков. Тарелка изумилась, но ненадолго. В этот момент крепкие худощавые руки взяли её и отнесли в тот угол, которого никогда не было видно из шкафа.

– Ах, вот ты где, я уж думал, что тебя отправили на переплавку. Наконец-то я тебя нашёл, – сказал человек.

Тарелку поставили на тонкий стержень. Оказалось, злополучная дырка как нельзя лучше для этого подходит.

– Теперь можно и сыграть что-нибудь стоящее!

– Пора бы уж, Ринго, а то ты только отнекиваешься – прозвучали голоса из-за стола.

Тарелка почувствовала, как её бока что-то коснулось, и завибрировала в ответ. Она тут же поняла, как сильно ей это нравится, ведь она была создана издавать звуки. Тем временем собравшиеся за столом отвернулись от фаянсовых, фарфоровых и стеклянных блюд и аплодировали ей – звонкой круглой латунной тарелке от барабанной установки.

Стол, которому приснилось, что он дворец

В старом, как море и горы, доме у озера жил большой дубовый стол. От старости ножки его давно потрескались, по всем четырём бокам столешницы красовались сколы и заусенцы. В любом другом доме такой стол уже давно бы отправили на свалку, но только не в доме у озера.

В молодости стол работал рядовым столом. Едва дом просыпался, на него накрывали завтрак, днём – обед, а там – и ужин. Разнообразия в этом было немного, но стол был образцовым служащим и считал, что всё идёт, как положено. По инструкции.

– Нет ничего лучше, чем знать, где должна быть ваза, куда поставят тарелки, а куда положить салфетки, – говорил стол окружающим вещам.

В точности и аккуратности стол превосходил даже известные своим идеальным ходом напольные часы. Стоило кому-нибудь по невнимательности сдвинуть на пару сантиметров десертную вилку или зубочистку, он легонько подпрыгивал и отправлял своенравный предмет к его идеальному месторасположению. Переступал и подпрыгивал стол так виртуозно, что однажды смог вернуть в солонку все просыпавшиеся сто сорок шесть крупинок соли.

– Вот что значит – вещь на своём месте, – говорили про него обитатели дома. – Погодите, наш стол ещё далеко пойдёт, наверняка его пригласят вести банкет в соседнем замке.

Когда люди за столом разливали газировку или капали соусом на скатерть, он очень расстраивался. В этом случае никак нельзя было всё вернуть на свои места. Переживать из-за такого незаметного, по нашим меркам, события стол мог часами, а иногда и днями. Потом он начинал переживать, что переживал и не следил за порядком. Ведь идеальным порядок бывает, только если следить за ним каждое мгновение.

Словом, к моменту, когда начинается наша история, стол все знали только с лучшей – лицевой – стороны столешницы. А вот под стол не заглядывали никогда. Ведь заглядывать туда надо, только если со стола что-то упадёт. Но, как вы понимаете, падение с такого стола было невозможно.

Всё изменилось утром, в четверг, спустя ровно двенадцать минут после завтрака. Стол вдруг почувствовал, как под ним кто-то шуршит и приговаривает:

– Ка-а-кой балшой два-а-алец!

Посмотрев себе под ноги, стол с удивлением обнаружил там светловолосую девочку.

– Я никакой не два-а-алец. Я потомственный стол.

– Не-е-е-е! Ты два-а-алец! Балшой, кла-а-асивый! – сообщила девочка столу с таким видом, будто он не замечает само собой разумеющихся вещей.

– Дворец?

– Ага. Ты мой два-а-алец! А я – плинцесса! – сказала девочка и с очень озабоченным видом начала рассаживать под столом игрушки.

Стол был в замешательстве. Его можно понять. Ни в каких инструкциях такая ситуация не значилась. Что делать?! Подпрыгнуть? Стоять смиренно? Тем временем девочка завернулась в плед, затащила под стол коробку из-под мороженого и уселась на неё.

– Что это ты устроила?

– Это мой тлон! У плинцессы всегда есть тлон и матия, да-да.

– Здесь не место для тронов маленьких, пусть и светловолосых, девочек – даже в мантии. Им место в детской или в саду, детском, кажется, – сказал стол сам себе, но почему-то вслух. Девочка была другого мнения.

– В саду ску-у-учна. А ты ва-а-алшебный два-а-алец. Патаму что говоришь. И кла-а-асивый.

Стол вдруг почувствовал, что ему нравится быть волшебным дворцом, хотя ни в какие правила это не укладывалось. «Побуду немного, авось уйдет, но всё равно необходимо призвать её хоть к какому-то порядку, может быть, тогда опомнится», – подумал стол и учтиво спросил:

– Уважаемая принцесса, если я – волшебный дворец, где же мои дворцовые стены?

– Ой, стены-ы-ы. Ты плав, двалец, – девочка потянула скатерть с угла стола до самого пола. Под столом потемнело. Свесившиеся концы скатерти меньше всего походили на гобелены королевского замка, но девочка была довольна проделанной работой.

– Вот. А тута окна, поэтому светло, – указала девочка на не занавешенные скатертью стороны.

Недавно от такой наглости стол лишился бы рассудка на полгода, но теперь отчего-то не сильно переживал. «Какая нахалка, но наверху ничего не пострадало», – успокоил он себя.

Девочка снова уселась на картонную коробку из-под мороженого. Она засунула в рот палец и через минуту решительно произнесла:

– Двалец, лаз ты валшебный, ласказы сказку. Ну, пазалу-у-уста-а, а?

Такого коварного удара стол ожидал меньше всего. Он вообще не представлял, как это – рассказать сказку. Вот если бы попросили рассказать, как должны стоять тарелки, почему вилки и ложки раскладывают так, а не иначе... А сказка? «Ладно, представлю, что это инструкция, но только про какой-то там дворец», – подумал стол и начал.

– Жил-был дворец. И было у него четырнадцать залов, восемь галерей и тридцать две комнаты. Самый большой зал был из белого, как сахар, мрамора с зелёными, как авокадо, гобеленами. В нём было двенадцать стульев, все как один – абсолютно волшебные.

– С киточками? – тихо спросила малолетняя слушательница.

– Разумеется, с кисточками. Восьми оттенков, и каждая отвечала за своё волшебство. Первая – за то, чтобы стул скакал, вторая – чтобы он всегда был чистым...

С каждой новой подробностью глаза девочки раскрывались всё больше, она восхищённо глядела по сторонам. Потом взяла на руки несуразного плюшевого медведя и сказала ему:

– Мишка, гляди, ка-а-а-кая сказка воклук. У миня такой никада не было. Спасибо, двалец.

Стол к тому времени покончил с описанием напряжённых отношений между второй и третьей залами дворца. Он вошёл во вкус и был уже готов сообщить про особенности жизни сиреновой и розовой комнат. В этот момент девочка вскочила и закричала:

– Лаз двалец такой башой и валшебный, – будит бал! – она расставила игрушки парами, сама взяла на руки медведя и начала кружиться в центре, потом рассмеялась чему-то и убежала.

Стол поймал себя на мысли, что отчасти верит, будто он и вправду дворец, и ждёт, когда снова можно будет сочинять сказку.

С той поры девочка и стол встречались почти каждый день. Стол был уже не только дворцом. Иногда – пещерой с сокровищами: тогда надо было перечислить все двадцать восемь видов изумрудов и рассказать, при каких обстоятельствах каждый попал в пещеру. Иногда девочка превращала пространство под столом в магазин, сама становилась «пладавцом», а медведю отводила роль главного покупателя. Так продолжалось несколько лет. Девочка уже с трудом помещалась под столешницей, давно научилась верно произносить слова «дворец» и даже «астролябия»... А потом и вовсе перестала приходить.

Стол, было, подумал, что девочка ему приснилась, а на самом деле вся его жизнь ограничивается завтраком, обедом и ужином. Прошло больше десяти лет, и вот ровно спустя двенадцать минут после завтрака под столом раздалось:

– Я лыцаль, а эта – мая клепость, – маленький светловолосый мальчик внимательно рассматривал изнанку столешницы. Его синие глаза очень походили на глаза светловолосой девочки. «Не приснилось», – подумал стол. И произнёс:

– Уважаемый рыцарь, если я – ваша крепость, где же мои стены?

С той поры прошёл уже почти век. Стол побывал крепостью, вагоном, танком и пиратской шхуной. На задней части столешницы появились подпалины от свечей, потому что в сказке про длинный тайный ход никак нельзя было обойтись без волшебных огоньков. Умение подпрыгивать очень помогало, когда его превращали в звездолёт. И хотя ножки стола покрылись трещинами, его никто и не думал выкидывать на свалку. Обитатели дома у озера ценили ветерана не меньше шкатулки с драгоценностями, хотя никогда и не говорили вслух – почему.

В перерывах стол исправно подавал обед, завтрак и ужин. Он совершенно перестал переживать за угол наклона вилок, и от этого угол наклона не стал хуже ни на градус.

– В конце концов, не моё дело стряхивать соль в солонку, – решил стол, – пусть этим займётся тот, кто её насыпал.

Будильник, который любил поспать

На комодке одной из спален дома у озера жил будильник. Всё у этого будильника, на первый взгляд, было – как у других будильников. И циферблат, и дополнительная красная «будительная» стрелка, и, разумеется, пара звонких бубенцов-колокольчиков с молоточком посередине. Будильник выглядел образцовым аппаратом для мгновенного вырывания из сна пожарных, детей, банковских служащих и даже старичков-астрономов. Однако за всю жизнь он так ни разу не оторвал от подушки ни одного человека. Возможно, потому что умел видеть сны того, кого будил.

– Сами посудите, зачем мне лишний раз трезвонить, – говорил будильник недовольным его сонливостью вещам, – сейчас хозяйка досматривает сон с прекрасным принцем и собой в главных ролях. Дело, как вижу, дошло до поцелуя. Какой смысл раскрывать ей глаза и напоминать, что через два часа всех тут стоит накормить завтраком. Уж не помрут они с голоду. А принц может больше и не появиться.

Другие домашние вещи эти причуды не очень понимали и считали, что будильник попросту отлынивает от работы.

– Я думаю, он дефектный и просто любит поспать под собственное тиканье, – говорила люстра. – Как можно не понимать, что вставать надо совершенно обязательно вовремя.

– Иначе что? – язвительно осведомился будильник

– Иначе не произойдут многие важные вещи. Например, меня не включают, когда темно, а висеть в темноте довольно боязно, – отвечала люстра.

– Вам, конечно, сверху виднее, люстра, – улыбнулся часовыми стрелками будильник, при этом «будительная» красная комично изогнулась, – но вряд ли ваш ослепительный свет добавит радости ранним зимним утром, когда глаза слипаются.

– Вы серьёзно думаете, что не существует причины, по которой надо встать раньше, чем хочется? – спросил календарь.

– Конечно же, она есть, но мне неизвестна. И вряд ли мои братья-будильники, которых заставляют работать часовыми механизмами в страшных бомбах, другого мнения. Я лично считаю, что каждый удар моего молоточка напоминает маленький смертоносный взрыв, который убивает сны.

Изо дня в день будильник отказывался трезвонить и шуметь по утрам. Иногда «будительная» красная стрелка вдруг сама собой перемещалась вместо цифры 7 на цифру 11. В другой раз звонкие чашечки вдруг оказались забиты ватными шариками. Однажды будильник даже притворился совершенно незаведённым, договорившись со своей часовой пружиной, что она возьмёт технический перерыв.

– С такой работоспособностью его наверняка скоро отдадут на запчасти, – злорадствовал календарь.

– Обязательно, так много дел было не сделано из-за этого беспробудного будильника, – взволнованно звенела своим хрусталём люстра.

Поначалу обитатели дома у озера действительно частенько, опаздывали, когда собирались на зарядку или на совещание. Они бегали и размахивали руками, запутываясь в носках и колготках. Будильник и в этом случае принципиально продолжал безмолвствовать. Разве что иногда – обычно, когда в доме у озера начинались разговоры: «А не отправить ли этот бесполезный будильник на чердак?», – его молоточек тихонько прикасался к чашечкам звонка. Но и тут звук выходил такой, будто летит комар. Звонил будильник ровно в тот момент, когда один сон закончился, а другой ещё не собирался «показываться на глаза». Так что люди просыпались с ощущением радости и свежих сил.

С годами хозяева дома у озера всё реже суетились и бешено носились утром по комнатам, забыв, когда впопыхах натягивали штаны и платья.

– Смотрите, я не звоню, и что же? – довольно говорил окружающим предметам будильник. – Люди теперь прислушиваются к себе, а не к моим колокольчикам. Доверяют желаниям, а не только обязанностям, и вполне способны планировать день так, чтобы успевать не торопясь.

Ни люстра, ни календарь уже не протестовали. Будильник теперь всё больше дремал. Со временем красную «будительную» стрелку вообще перестали беспокоить, и она годами отдыхала на отметке 12. Чашечки звонка бренчали, разве что когда на них падало новогоднее конфетти.

И вот однажды на будильник обрушилось приключение. Оно имело вид бабочки. Та ударилась о чашечку звонка и, съехав по круглому боку, оказалась на комод.

– Зачем ты так бумкаешься? – зевнув, спросил будильник.

– У меня нет сил, мне очень нужно в сад, но я никак не могу улететь. Там что-то невидимое не пускает наружу, – тихо пропищала бабочка.

– А-а-а-а, так это окно. Его только недавно помыла тряпочка, вот оттого оно и невидимое.

– Я не знаю, что такое «окно», но от ударов страшно кружится голова, и крылья – как будто подрезали. Если я не улечу и не попою целебного нектара с оранжевого бутона, то умру, – просто сказала бабочка и поникла крылышками.

Тут в комнате раздался странный незнакомый звук. Яркий, звонкий, тревожный и сильный, он заставлял двигаться не только людей, но даже вещи, даже старое кресло в углу.

– Что это?

– Пожар?

– На нас упал медный колокол?!

– Беспорядки на кухне!

Обитатели дома не сразу сообразили, в чём дело. Но вы-то поняли – это сонный будильник впервые зазвенел. Через несколько мгновений к нему подбежали люди, чтобы остановить звук глубокой тревоги, и увидели бабочку.

– Её срочно надо вынести в сад, – прозвучал детский голосок.

Бабочка тут же уселась на чьи-то тёплые ладошки и оказалась рядом с долгожданным бутоном.

– Я всё же нашёл причину прозвенеть, – с улыбкой сказал притихшим вещам будильник, – но это вовсе не повод, чтобы откладывать послеобеденный сон.

Стиральная машина, которая вечно стирала не то

В большом тёмном чулане дома у озера жила и работала стиральная машина. Каждый день в её блестящий барабан попадали самые разные предметы – носки, одеяла, платья, пледы, мягкие игрушки, пуховики, рюкзаки и сумки. Машина получала порцию стирального порошка и щедро одаривала каждую вещь белоснежной пеной. Она точно знала, кому стоит уделить час, а кому достаточно и двадцати минут.

– Какие же вы грязненькие, добавим-ка ещё порошка, – рокотала машина, занимаясь пятнами на штанах для игры в футбол. И в самом деле, после того как она полоскала, мыла и отжимала штаны, они становились, как новенькие.

– Кто бы мог подумать, что при рождении они были цвета зелёной листвы, а вовсе не болотной жижи, – изумлялись окружающие вещи, – вот это волшебство.

Машина справилась даже с ужасным пятном на белой школьной блузке. Оно появилось в результате неудачного химического опыта. Бедняжку блузку уже хотели пустить на тряпки, но после стирки та ещё долго служила украшением своей хозяйки.

Стирка в машине обладала одним волшебным свойством. Вместе с пятнами грязи, сока и чернил в её барабане вещи расставались с воспоминаниями. После стирки плед не помнил прикосновений рук, подушка забывала о снах, которые дарили ей люди, спортивные штаны теряли память о победе или поражении на футбольном поле.

Нельзя сказать, что вещи слишком переживали по этому поводу. Благодаря трудам стиральной машины их репутация всегда оставалась кристально чистой. К тому же после стирки собственные мысли казались каждому, кто покинул барабан, особенно свежими и яркими. Пусть даже до этого та же самая мысль посещала его в девяносто восьмой раз.

За долгие годы никто в доме так и не узнал, нравится или нет машине её ремесло.

– Да, я стираю не только грязь, но и реальность. Однако никто не может сказать, что делаю я это плохо, – говорила обычно машина желающим устроить спор.

Однажды в чулан зашла девочка лет пяти-шести, внимательно посмотрела на блестящий барабан и произнесла:

– Уважаемая стилательная машина, постилайте меня, пожалуйста! Мне это очень-очень необходимо.

– Девочка, ты такая милая и чистенькая. Тебя вовсе незачем замачивать, полоскать и отжимать, – прошумела машина.

– Я знаю, дологая стилательная машина, что вы стираете из памяти всё-всё! – решительно заявил ребёнок. – А мне так плохо, что это надо обязательно сделать.

– Что же такое у тебя случилось, милая девочка?

– У меня жизненная трагедия! Да! Мальчик из соседнего дома – он... – донеслись всхлипы и сквозь слезы девочка продолжила. – Он вчела сказал, что я вовсе не его невеста-а-а!

– Если я тебя простирну, тогда ты не будешь помнить про папу и маму, и даже про свой день рождения. Ты понимаешь это?

– Ничего катастрофического. Папа и мама напомнят о себе, стоит только не почистить зубы, а когда мне падают щенка, я пойму, что именины наступили. Зато навсегда забуду этого – гадкого, отвратительного .....

– Нет, милая, ничего не выйдет. Вам, людям, чтобы забыть, не поможет ни одна стиральная машина. Я скорее застираю тебя до смерти, чем ты хоть что-то забудешь. Так что никакого волшебства не будет.

– Но как же так, тётя-машина? Мне обязательно-обязательно надо забыть... – из девочки полились сопли и слёзы, – моя жизнь тепель – одно большое-е чёлное пятно-о-о-о-о!!!

Машина смотрела, как девочка стучит маленькими ножками по кафельному полу, и невозмутимо перенесла пару ударов маленьких рук.

– За долгие годы стирки я поняла: не бывает в жизни совершенно чёрных пятен. Все они на самом деле состоят из разных оттенков. Наверное, так и у вас, людей. Приглядишься к своим воспоминаниям, они же – словно драгоценные камушки. Какой гранью к свету повернёшь, про то и вспомнишь. А граней много. Ты только попробуй.

– Ду-у-у-маешь? – подозрительно посмотрела на машину девочка. – Ну ладно, надо поплобовать. А ведь ты плава, стирательная машина, если подумать, тот мальчик не совсем уж недостойн воспоминаний. С ним вот очень весело иглат в пилатов. И котёнка он с клыши снял. Я пеледумала его забывать. Пусть сам стлаждает.

Стиральная машина тем временем принялась заниматься тем единственным ремеслом, к которому у неё был несомненный талант, – стирать.

– Кое-кому очень скоро потребуется голубое бальное платье, – пророкотала машина, глядя, как девочка кружится в гостиной перед зеркалом.

Чемодан, который не видел мира

В старом, как море и горы, доме у озера жило много диковинных вещей – нож из рисовой бумаги, подставка для розовых лепестков, вечная свечка без фитиля. Но самым экстравагантным даже в этом экстравагантном коллективе считали коричневый чемодан с двумя пряжками, четырьмя кожаными ремешками. Бока чемодана покрывали наклейки со словами – Paris, São Paulo, Roma, Beijing, Lisboa, Johannesburg. Было даже название Droichead Nua. Висевшая на стене кабинета карта мира клялась, что так называют какой-то угол в Ирландии, но ей мало кто верил. Разве видела эта карта столько стран, сколько чемодан?

С каждым годом наклеек становилось всё больше и к тому моменту, когда начинается наша история, их насчитывалось уже восемьдесят четыре. Пока чемодан вместе с хозяевами пребывал в далёких странах, домашние вещи без умолку обсуждали его странствия.

– Вы видели, какие потёртые и грязные эти наклейки. Сразу понятно, наш чемодан видел мир и знает жизнь, как никто другой, – обращалась косметичка к подружке – дамской сумочке. Беседа происходила внутри платяного шкафа, где эта парочка прожила почти всю жизнь.

– Ещё бы. Бесстрашный путешественник, этот чемодан, – кивала замочком сумочка. Платяной шкаф она покидала только однажды, когда её вынесли в зал местной церкви на свадьбу, чтобы полежать в руках у невесты. – Вы знаете, однажды на него напали дикошарые бразильские муравьи.

– О, ужас! Дикошарые?

– Да-да! Именно дикошарые. Муравьёв так прозвали то ли за то, что они дико страшно метали ядовитые шары, то ли за то, что дико быстро крутили эти шары из смертоносной травы в бразильской сельве. Деталей я уже не помню.

– Я бы умерла от страха! И что же?

– Он захлопал их всех своей крышкой! Всех до единого. Такой отчаянный храбрец!

– Я слышал, он как-то даже пересёк Нил вплавь. Это был первый чемодан в мире, которому удалось доплыть до другого берега и не быть съеденным крокодилами, – сообщил портфель. Сам он был из натуральной крокодиловой кожи, что придавало рассказу особый вес.

Разговоры о чемоданных подвигах могли длиться днями: всё равно других занятий у обитателей платяного шкафа было немного. Стихала болтовня ровно в тот момент, когда дверцы открывались, и появлялся сам герой. Чемодан неспешно звенел своими замочками, перебирал ремешками.

– Здравствуйте, – обычно говорил он и затихал. Если кто-то набирался смелости и спрашивал, как прошло новое приключение, чемодан отвечал:

– Да, была пара переделок. При случае расскажу, – после чего погружался в многозначительное молчание.

Вторым любимым занятием домашних вещей – конечно, после рассказов о чемоданных странствиях – было гадать, про что думает легендарный путешественник в моменты отдыха. Спрашивать напрямую опасались: а ну как победитель дикошарых муравьёв ударит крышкой. Некоторые считали, что чемодан обдумывает мемуары.

Но как это часто случается и с людьми, и с вещами, мысли чемодана убегали совсем в другую, весьма грустную, сторону. Точнее, мысль была одна: он, чемодан, самый большой обманщик на свете и, вообще-то, самый несчастный из всех предметов кожгалантереи. Несчастней даже изрезанного вором-карманником кошелек, ставшего игрушкой для собаки.

Про чемоданное настроение знал только один обитатель дома у озера. Это был старый потертый, но при этом на удивление чистый, рюкзак – вечный компаньон чемодана по путешествиям. Станным образом, никто из домашних вещей не видел рюкзака. Виновато тут вовсе

не волшебство, а образ жизни. В то время, когда рюкзак не путешествовал, его кидали внутрь чемодана, где он жил до новой поездки.

– Они все считают меня бывалым путешественником, рюкзачок, но ты-то знаешь: сам я за все эти годы не сделал и шагу. В отелях меня возит обслуга, в дороге – шофёры, в аэропортах катит тележка или лента транспортёра. Они тут думают, я видел мир, но, кроме похожих друг на друга номеров отелей, я видел только темноту. Темнота в багажнике машины. Темнота в багажном отделении самолёта, темнота на полке в купе поезда, темнота в бесконечных шкафах отелей. Я теперь умею различать пятьдесят оттенков темноты. Самая отвратительная та, что возникает, когда тебя везут на крыше автобуса в далёком штате Пенджаб, перед этим замотав в пять слоёв гадкой зелёной плёнки. Перед тобой – целый мир, а разглядывать приходится пластиковые пупырышки. Мой мир – это темнота. Поверь, рюкзак, быть чемоданом без взглядов на мир куда хуже, чем быть чемоданом без ручки. Даже та дурочка-болтушка – дамская сумочка, которую однажды носили в церковь, видела в жизни куда больше.

– Но ведь было же настоящее приключение? В тот раз, когда тебя, кажется, потеряли? – отвечал в таких случаях рюкзак. Обычно эта фраза успокаивала чемодан, и он погружался в воспоминания. Однако в этот раз дежурный комплимент не помог.

– И это ты называешь приключением?! Упасть ночью за борт круизной лодки в Нил, через шесть минут быть выловленным идеально выбритыми стюардами без признаков всякого египетского колорита и простоять ночь в тёмном чулане под лестницей? Это, что ли, приключение?! Ты бы ещё вспомнил, как меня в целях дезинфекции от каких-то муравьёв протирали граппой в Риме, и на этом основании скажи, что я умею пить! Скорей уж, это можно сказать про муравьёв, которые надышались парами граппы и потом дико вращали своими глазами-шариками. Нет, друг-рюкзак, кроме двух недель в витрине стамбульского duty free, откуда меня продали, заметь, со скидкой, в моём мире не было светлых моментов.

Сетование на тяготы жизни обычно отнимает много сил, неважно человек ты или чемодан. Силы можно было бы потратить на более весёлые вещи, но подумать об этом в такой момент как-то не получается. Поэтому к концу своей речи чемодан окончательно поник всеми своими ремешками и замочками. И вдруг собрался и продолжил.

– Знаешь, рюкзак, есть только одна вещь, которую я ненавижу больше темноты!

– Что за вещь?

– Ты! Да! Да! Ты! Правда! Ты всегда за плечами! Ты можешь подняться в жерло вулкана или увидеть закат на берегу Индийского океана, тебя не оставят в камере хранения музея современного искусства в Нью-Йорке. Ты увидишь полотно Сальвадора Дали. Это ты, а не я, лежишь на песке пляжа Сан-Франциско. Ты, а не я, висишь на ручке старинного вагона метро во чреве Стамбула и спускаешься потом к Босфору. Ты, а не я, глядишь на закат в Риме с замка Сан-Анджело! И даже на тот безымянный островок с белым песком и поющими ракушками в деревьях попал ты! – чемодан трясся – от гнева или горя, в темноте было непонятно.

– Ты прав, старый друг, всё это, кажется, происходило со мной, – рюкзак был как будто немного ошарашен и даже удивлён деталями своей биографии. – Но знаешь, раз уж сегодня такой день, когда мы говорим друг другу чуть больше обычного, я понял, что есть только одна вещь, которой я завидую больше самого себя. Ты ведь уже понял, что это за вещь? Это ты.

– Ты издеваешься?!

– Нет, разве что немного – и над собой, – улыбнулся матерчатым ремешком рюкзак. – Понимаешь, снаружи происходит много удивительного, но мне нечем это запомнить. Я вижу и тут же забываю. Во мне никогда ничто не оставляет воспоминаний. Всё это, друг мой, достанется тебе.

– Мне? Что за чепуху ты тут говоришь!

– Посмотри внимательно внутрь себя. Например, что это там за чёрная штука?

– Это кусочек лавы из жерла Этны, а рядом лежит пара крупинок песка с пляжа Сан-Франциско.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.